

ИСКУССТВО ВЛАСТИ ВЕЛИКИЕ ПРАВИТЕЛИ МИРА

Он был назван величайшим британцем в истории.

А ведь Британия известна такими именами, как Уильям Шекспир и Исаак Ньютон, Френсис Дрейк и Джеймс Кук, лорд Нельсон и лорд Байрон, Чарльз Диккенс и Чарльз Дарвин, Майкл Фарадей и Роберт Максвелл, королева Виктория, Джон Леннон и Пол Маккартни, Маргарет Тэтчер, наконец — принцесса Диана...

Почему же утвердился в сознании соотечественников как Британец № 1 этот человек — сэр Уинстон Леонард Спенсер-Черчилль (1874—1965)? Разнообразием талантов? Масштабностью деятельности? Значительностью достигнутых результатов?

Конечно! Но ни участие в войнах: на его долю вытало много мелких и две мировые войны; ни писательская слава: в 1953 году Черчилль был удостоен Нобелевской премии по литературе; ни тем более его очень непростая политическая биография не могут сами по себе объяснить того уважения и доверия, которое испытывали и продолжают испытывать по отношению к нему жители

туманного Альбиона. Главное, что он сделал, — это спас Англию во время Второй мировой войны. В своей первой речи в качестве премьер-министра Черчилль сказал, обращаясь к нации: «Мне нечего предложить вам, кроме крови, пота и слез. Вы спросите: какая у нас цель? Я отвечу одним словом — Победа! Победа любой ценой, победа, несмотря ни на что, победа, каким бы долгим и тяжким ни был путь к ней. Без нее нам не выжить, без нее не будет

Британской империи и всего, что она олицетворяет. Если мы не победим, то должны будем распрощаться с нашим образом жизни». Черчилль вообще был прекрасным оратором. Но лучшая его речь необычайно коротка. Когда страна пребывала на краю пропасти, премьер-министра попросили выступить перед молодежью. Черчилль прибыл в назначенное время, поднялся на трибуну и произнес: «Никогда не сдавайтесь — никогда, никогда, никогда, никогда! Ни в большом, ни в малом, ни в крупном, ни в мелком — никогда не сдавайтесь ничему, кроме доводов чести и здравого смысла». И покинул собравшихся.

*Может, в этом и кроется секрет его воздействия? Он умел задавать человеческие стандарты и показывать людям их великую ценность. Ибо ни у кого из нас нет ничего дороже этих «доводов чести и здравого смысла»,
делających нас людьми.*

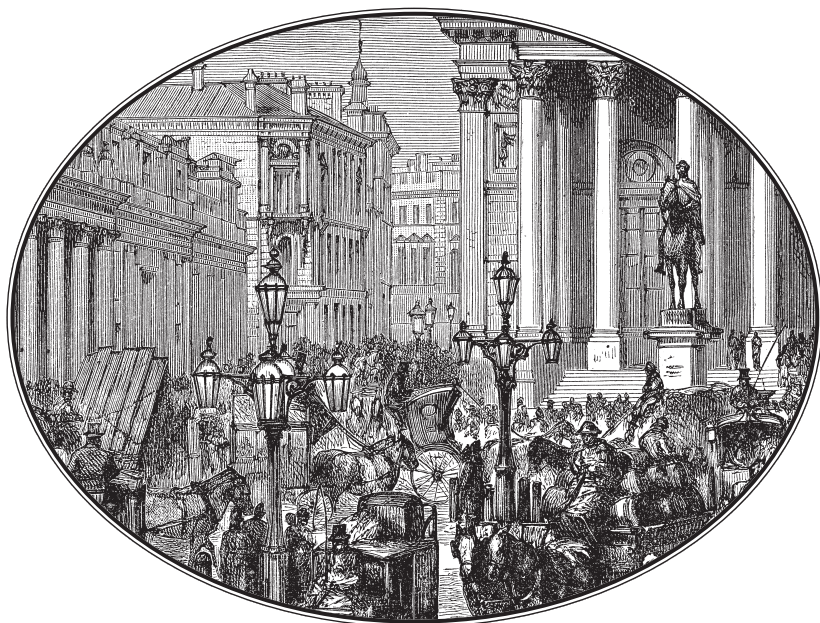

Уинстон ЧЕРЧИЛЛЬ

(1874—1965)

УИНСТОН ЧЕРЧИЛЬ
ЗАЩИТА ИМПЕРИИ.
АВТОБИОГРАФИЯ

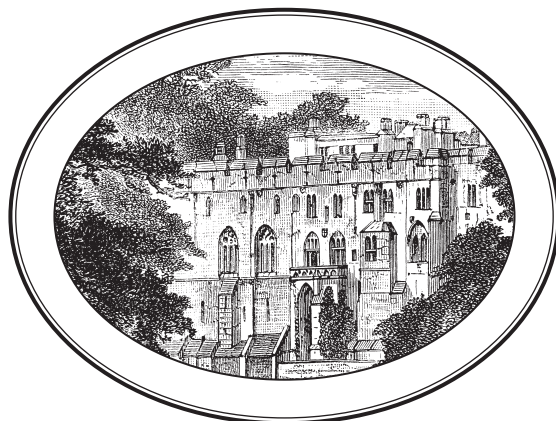
Иллюстрированное издание

Москва
2026

ИЗ КНИГИ
«МОИ РАННИЕ ГОДЫ»
(Автобиография)

ГЛАВА I
ДЕТСТВО

Когда человек впервые начинает помнить? Когда мерцающие огни и тени пробуждающегося сознания накладывают свой отпечаток на разум ребенка? Мои первые воспоминания связаны с Ирландией. Я могу довольно хорошо припомнить отдельные сцены и события и даже людей, хотя я родился 30 ноября 1874 года, а покинул Ирландию в начале 1879-го. Мой отец приехал туда в качестве секретаря своего отца, герцога Мальборо, которого в 1879 году г-н Дизраэли* назначил вице-королем Ирландии. Мы жили в здании, которое называлось «Маленький домик» и находилось неподалеку от резиденции вице-короля. Именно там я и провел почти три года своего детства. У меня сохранилось яркое и живое впечатление о некоторых событиях. Я помню,

как мой дед, вице-король, открывал памятник лорду Го в 1878 году. Огромная черная толпа, солдаты в алых мундирах на лошадях, веревки, за которые с памятника стягивают блестящую коричневую ткань, и старый герцог, мой замечательный дедушка, который громко разговаривает с толпой. Я даже помню одну из фраз, которую он тогда произнес: «...И залпом всеокрушающего огня он рассеял вражеские ряды».

Я вполне осознавал, что он говорит о войне и о сражении и что «залп» — это то же, что так часто проделывали, производя при этом громкие хлопки, солдаты в черных мундирах в Феникс-парке, когда меня водили туда на утренние прогулки. Пожалуй, это мое первое осмысленное воспоминание.

Титул вице-короля, или лорда-наместника, в Великобритании присваивается высшим представителям королевской власти во владениях, лежащих за пределами метрополии (в Ирландии и Индии). Вице-король до сих пор номинально сохраняет за собой право помилования, пожалования рыцарского достоинства, распоряжение военными силами.

* Бенджамин Дизраэли (1804—1881) — государственный деятель тори, 40-й и 42-й премьер-министр Великобритании (1868, 1874—1880), член Палаты лордов (с 1876), писатель.

Дворец графа Портарлингтона

Это здание в поместье графа Портарлингтона в графстве Лейос (Ирландия) было возведено в самом конце XVIII в. ирландским архитектором Д. Гэндоном

в неоклассическом стиле. Дом окружен регулярным парком, недалеко находится озеро и лес. В настоящее время находится в государственной собственности.

Другие события вырисовываются более отчетливо. Нас должны были повести на рождественское представление. Все предвкушали величайшее удовольствие. И вот наконец долгожданный день настал. Мы выехали из резиденции вице-короля и направились в замок, где, по-видимому, должны были забрать остальных детей. Внутри замка находилась огромная площадка квадратной формы, вымощенная маленькими овальными камнями. Шел дождь. Дождь шел почти всегда — точно так же, как и сейчас. Из дверей замка вышли люди, и толпа заволновалась. Потом нам сообщили, что мы не сможем пойти на представление, потому что театр сгорел. Все, что осталось от директора, — это ключи, лежавшие в его кармане. В качестве утешения нам пообещали на следующий день показать руины театра. Мне ужасно хотелось увидеть директорские ключи, но эта просьба, похоже, была воспринята не очень благосклонно. В один из этих годов мы нанесли визит в Эмо-парк, резиденцию лорда Портарлингтона, который, как мне объяснили, приходился мне кем-то вроде дяди. Об этом месте у меня сохранились очень четкие воспоминания, хотя я ни разу не бывал там с тех пор, как мне исполнилось четыре — четыре с половиной года. Центральное место в моих воспоминаниях занимает высокая башня из белого камня, к которой мы подъехали, проделав довольно значительный путь. Мне рассказали, что ее в свое время взорвал Оливер Кромвель*. Я совершенно определенно понял это так, что он на своем веку взорвал немало различных вещей, и посему был очень великим человеком.

* *Оливер Кромвель* (1599—1658) — вождь Английской революции, выдающийся военачальник и государственный деятель, с 1653 г. — лорд-протектор Англии, Шотландии и Ирландии, в правление которого Великобритания была республикой.

Четырехлетний Уинстон Черчилль с матерью.
Фотография XIX в.

Моя няня, миссис Эверест, очень беспокоилась по поводу фениев*. Я пришел к выводу, что это плохие люди и что, если бы им позволили, они бы могли натворить все что угодно. Однажды, когда я катался на своем ослике, нам показалось, что приближается длинная процессия фениев в темных одеждах. Сейчас я думаю, что это, скорее всего, был отряд стрелков, направлявшихся на учения. Но тогда все мы здорово переполошились, особенно ослик, который так встревожился, что начал брыкаться. Я вылетел из седла и получил сотрясение мозга. Так я впервые познакомился с политической жизнью в Ирландии!

В Феникс-парке была огромная круглая роща, в центре которой находился дом. В этом доме обитал персонаж, которого называли то ли главным секретарем, то ли заместителем секретаря, — я точно не уверен. Но, как бы то ни было, из этого дома вышел человек, которого звали мистер Берк. Он подарил мне барабан. Я не помню, как выглядел сам мистер Берк, но помню барабан. Два года спустя, когда мы уже вернулись в Англию, мне сказали, что его убили фении в том самом Феникс-парке, в котором мы гуляли каждый день. Все вокруг, похоже, были очень расстроены этим известием, а я подумал, как мне повезло, что фении не прикончили меня, когда я свалился с ослика.

* Фении — члены тайного ирландского общества, боровшиеся за освобождение Ирландии от английского владычества и создание независимой республики. (Прим. переводчика)

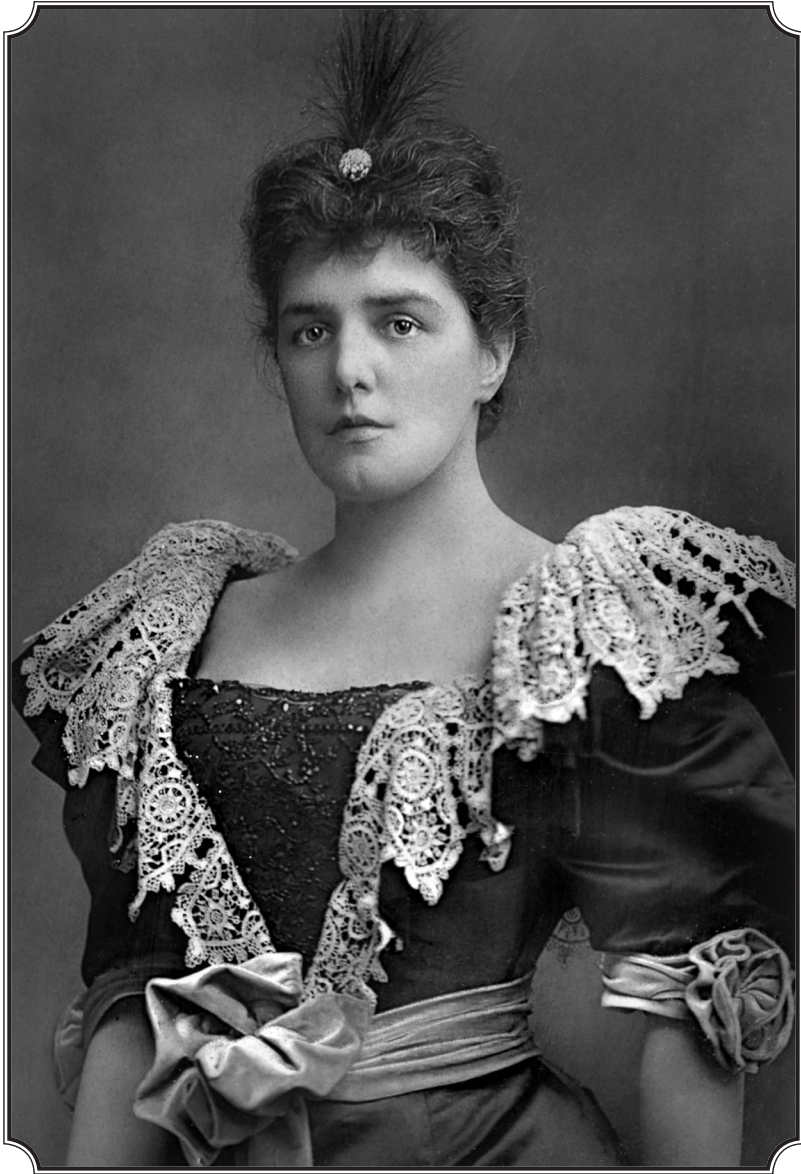

Элизабет Энн Эверест (ум. 1895 г.) —
няня Уинстона Черчилля

Именно в «Маленьком домике» надо мной впервые нависла угроза Образования. Мне объявили о скором появлении зловещей фигуры, описанной как «гувернантка». Прибытие ее было назначено на какой-то определенный день. Для того чтобы подготовиться к этому дню, миссис Эверест достала книгу, которая называлась «Чтение без слез». В моем случае можно с уверенностью заявить, что книга эта не оправдала свое название. Мне дали понять, что до прибытия гувернантки я должен уметь читать без слез. Мы усиленно трудились каждый день. Моя няня показывала ручкой на различные буквы. Все это я находил весьма утомительным. Наши приготовления были далеко не закончены, когда пробил роковой час и должна была прибыть гувернантка. Я поступил так, как поступают в подобных обстоятельствах многие угнетенные народы: укрывся в лесу.

Я спрятался в густых кустах, окружавших «Маленький домик», которые тогда казались мне непроходимым лесом. Спустя несколько часов меня вернули в дом и передали гувернантке. Мы продолжили ежедневные труды, причем не только над буквами, но и над словами, а также, что оказалось гораздо хуже, над цифрами. В конечном счете буквы нужно было просто выучить, и когда они складывались определенным образом, можно было распознать их сочетание и догадаться, что это означает определенный звук или слово, которое можно произнести, если тебя хорошенько заставят. Цифры же сплетались в какие-то невообразимые клубки и продельвали друг с другом разные штуки, которые было чрезвычайно трудно разгадать. От меня требовалось, чтобы я говорил, что они делают, каждый раз, когда они соединялись друг с другом, и при этом гувернантка придавала огромное значение точности ответа. Если ответ был не совсем правильный, значит, он был неправильный. То, что ответ был «почти правильным», во внимание не принималось. В некоторых случаях эти цифры брали друг у друга в долг: нужно было занимать цифру или переносить, а потом отдавать ту цифру, которую ты занял. Все эти сложности ложились на мою повседневную жизнь мрачной тенью, которая становилась все гуще и гуще. Они отвлекали от всех тех интересных вещей, которыми хотелось заниматься в детской или в саду. Они стали главной и всепоглощающей заботой и все грубее вторгались в жизнь, мешая нормальному времяпрепровождению. Положение особенно ухудшилось, когда мы погрузились во мрак того болота, которое именуется «суммы». Этим суммам, судя по всему, не было конца. Стоило разделаться с одной суммой, как сразу появлялась другая. Как только мне удавалось справиться с каким-то определенным классом этих пыточных орудий, мне подсовывали новую, еще более заковыристую, разновидность.

Моя мать не принимала никакого участия в этих попытках, однако дала мне понять, что одобряет их, и почти всегда принимала сторону гувернантки. В моих ирландских воспоминаниях я вижу ее в костюме для верховой езды, сидевшем

Леди Рэндольф Черчилль, урожденная Джени Джером
(1854—1921)

Дочь американского финансиста, «короля Уолл-стрит» Леонарда Джерома, леди Рэндольф Черчилль очень мало занималась детьми. Вскоре после замужества, по обоюдному согласию с супругом, она, во всеоружии своей обольстительной красоты (а не разоружалась она до самой старости), посвятила себя искусству «страсти нежной». Ее личную гвардию составляли

представители лучших европейских фамилий: лорд Эбернон и лорд Дунравен, граф Герберт фон Бисмарк, маркиз де Бретей, Поль Бурже, австрийский атташе граф Кински и сам принц Уэльский, будущий король Георг VII. После смерти мужа Джени Рэндольф Черчилль еще дважды выходила замуж, причем оба мужа были на двадцать лет моложе ее.

«Маленький домик» в Феникс-парке Дублина

Это здание было построено около 1876 г. и первоначально было официальной резиденцией личного секретаря лорда-наместника Ирландии, а первым его жителем был лорд Рэндольф Черчилль с семьей.

на ней как влитой и зачастую покрытом красивыми пятнышками грязи. Мама и отец постоянно охотились на своих рослых лошадях, и иногда все очень пугались, когда кто-нибудь из них не возвращался домой спустя много часов после обещанного времени.

Моя мать всегда казалась мне сказочной принцессой: лучезарная фигура, обладающая безграничным богатством и силой. Лорд д'Абернон описывает ее такой, какой она была в те ирландские дни, и я благодарен ему за его слова.

«...У меня сохранилось самое отчетливое воспоминание о том, как я впервые увидел ее. Это произошло в резиденции вице-короля в Дублине. Она стояла слева от входа. Вице-король, окруженный блестящей свитой, находился на возвышении в дальнем конце комнаты, однако все глаза были устремлены не на него или его супругу, а на темную гибкую фигурку, стоящую как-то в стороне, которая казалась сделанной из другой материи, нежели окружавшие ее, — лучезарной, полупрозрачной, насыщенной. Бриллиантовая звезда в волосах — любимое ее украшение, блеск которой тускнел рядом со свержающим сиянием ее глаз. Во внешности ее было больше от пантеры, нежели от женщины, однако пантеры с утонченным умом, не известным созданиям джунглей. Своим мужеством она не уступала супругу — достойная мать для отпрысков великого герцога. И при всем этом блеске — такая доброта и веселый нрав, которые делали ее всеобщей любимицей. Ее желание доставить удовольствие, любовь к жизни и искреннее желание сделать так, чтобы все разделяли ее радостную веру в жизнь, делали ее центром преданного ей окружения».

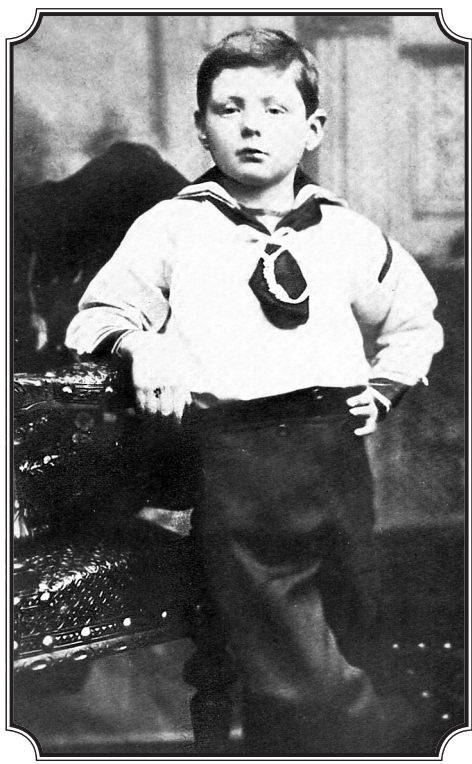
Мать произвела на мое детское восприятие такое же блестящее впечатление. В моих глазах она сверкала, как вечерняя звезда. Я нежно любил ее, но на расстоянии. Секреты свои я доверял миссис Эверест. Именно миссис Эверест ухаживала за мной и выполняла все мои желания. Именно ей я изливал свои многочисленные проблемы — как тогда, так и в школьные годы. До того как поступить к нам, она в течение двенадцати лет воспитывала маленькую девочку по имени Элла, дочь священника, жившего в Кемберленде. «Малышка Элла», хотя я никогда ее не видел, стала одним из основных персонажей моих ранних детских лет. Я знал о ней все: что она любит есть, как она молится, в чем она проявляла себя непослушной девочкой, а в чем — послушной. У меня в голове сложился яркий образ ее дома на севере Англии. Еще меня научили с большой любовью относиться к Кенту. Миссис Эверест говорила, что это — «сад Англии». Она

родилась в Чатеме и невероятно гордилась Кентом. Ни одно другое графство не могло сравниться с Кентом, точно так же, как ни одна другая страна не могла сравниться с Англией. К примеру, Ирландия не шла ни в какое сравнение. Что же касается Франции, то миссис Эверест, которой в свое время довелось катать меня в коляске в том месте, которое она называла «Shams Elizzie», была о ней весьма невысокого мнения. Вот Кент — это да. Столицей его был Мейдстон, а вокруг Мейдстона росли земляника, вишни, малина и сливы. Замечательно! Мне всегда хотелось жить в Кенте.

Я снова побывал в «Маленьком домишке» зимой 1900 года, когда читал лекции об англо-бурской войне в Дублине. Я хорошо помнил, что это было длинное низкое белое здание с зелеными ставнями и верандами, которое стояло на лужайке размером почти с Трафальгарскую площадь и было полностью окружено лесами. Я думал, что оно находится по меньшей мере в миле от резиденции вице-короля. Когда я снова его увидел, то был поражен, обнаружив, что лужайка всего около шестидесяти футов в поперечнике, что леса — это на самом деле кусты и что из резиденции вице-короля, где я тогда остановился, можно было добраться до этого места верхом всего за минуту.

Следующая веха моих воспоминаний — это Вентнор. Я любил Вентнор. У миссис Эверест была сестра, которая жила в Вентноре. Ее муж почти тридцать лет служил надзирателем в тюрьме. И тогда, и в более поздние годы он часто брал меня на долгие прогулки по известковым холмам или «Обвалу». Он рассказывал мне многочисленные истории о тюремных бунтах и о том, как на него несколько раз нападали заключенные и ранили его. Когда я в первый раз побывал в Вентноре, у нас была война с зулусами. В газетах помещали картинки с этими самыми зулусами. Они были черными и голыми, с копьями, которые назывались «ассегаи» и которые они очень ловко метали. Они убили очень много наших солдат, но, если судить по картинкам, далеко не так много, как наши солдаты убили их. Я был очень зол на зулусов и был рад услышать, что их убивают, так же как и мой друг, старый тюремщик. Судя по всему, через какое-то время их всех поубивали, поскольку эта война окончилась: в газетах больше не печатали картинок с зулусами и больше никто по их поводу не беспокоился.

Однажды, когда мы гуляли по скалам в окрестностях Вентнора, мы увидели огромный великолепный корабль, который шел под полными парусами примерно в миле-другой от берега. «Это военно-транспортный корабль, — услышал я, — который везет людей с войны». Возможно, правда, что корабль этот возвращался и из Индии, — я точно не помню. Потом вдруг

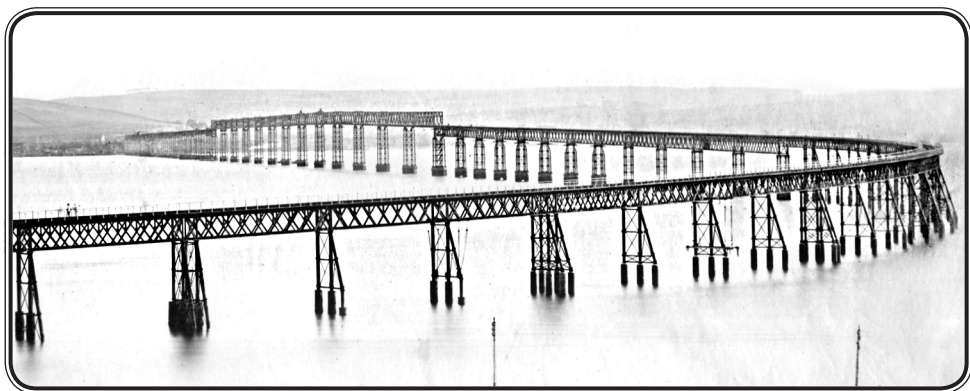

Уинстон Черчилль в возрасте 7 лет.
Фотография 1881 г. Дублин. Ирландия.

неожиданно появились тучи и налетел ветер, упали первые капли дождя, принесенные штормом, и мы засобирались домой, чтобы не промокнуть. В следующий раз, когда я оказался на этих скалах, я не увидел уже великолепного корабля под полными парусами, зато мне показали три черные мачты, которые как-то голо торчали из воды. Это была «Эвридика». Оказалось, что она перевернулась, когда налетел тот самый шторм, и пошла ко дну с тремя сотнями солдат на борту. Потом туда направили водолазов, чтобы поднять тела. Мне рассказали — и это произвело на меня ужасное впечатление, — что некоторые из водолазов потеряли сознание от ужаса при виде того, как рыбы пожирают тела бедных солдат, которые утонули как раз тогда, когда уже возвращались домой после тяжелых трудов и опасностей, перенесенных в сражениях с дикарями. В один прекрасный солнечный день я будто бы даже видел, как лодки очень медленно везут некоторые из этих трупов к берегу. На скалах было много людей, наблюдавших за этим, и все мы сняли шляпы в знак скорби.

Примерно в это же время произошла «катастрофа моста Тей». Целый мост рухнул, когда по нему в сильную бурю проезжал поезд, и все пассажиры утонули. Я предположил, что они не успели вовремя выбраться из вагонов. Опустить окно было очень трудно, потому что для этого нужно было потянуть за длинный ремень, прикрепленный в низу рамы. Не удивительно, что все они утонули. Все были очень рассержены на правительство, которое допустило, чтобы такой мост развалился. Мне казалось тогда, что правительство повело себя очень беспечно, и меня вовсе не удивляло, что люди собирались голосовать против него, раз оно настолько лениво и нерадиво, что допустило такую ужасную вещь.

В 1880 году нас всех сместил с должности мистер Гладстон. Мистер Гладстон был очень опасным человеком, который занимался тем, что выводил из себя людей, приводя их в ярость, так что они проголосовали против консерваторов и выгнали моего дедушку с его поста вице-короля Ирландии. Это место ему нравилось гораздо меньше, чем его старая должность лорда-председателя Тайного совета, которую он занимал в предыдущем правительстве лорда Биконсфилда. Когда

Мост через реку Фёрт-оф-Тей (Тей) до катастрофы 1879 г.
Фотография 1878—1879 гг.

28 декабря 1879 г. этот мост обрушился, унеся с собой проходивший по нему в то время поезд с 75 пассажирами. Все они погибли. Было предпринято расследование, которое выявило неспособность дан-

ной конструкции противостоять сильным ветрам, которые и стали причиной его обрушения. Инженер Томас Бауч, спроектировавший мост, не пережил случившегося и после завершения разбирательства умер.

Ирландцы.

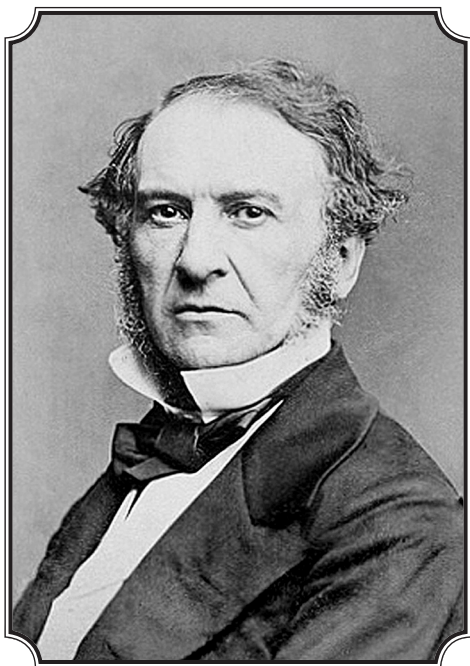
Рисунок из английского журнала XIX в.

он был вице-королем, ему приходилось тратить все свои деньги на организацию развлечений для ирландцев в Дублине, а моя бабушка организовала фонд, который назывался «Фонд для голодающих». Герцог с большей охотой предпочел бы остаться в Англии, где он мог жить в собственном доме в Бленхейме и регулярно посещать заседания Кабинета. Но он всегда делал все, что ему говорил лорд Биконсфилд. Лорд Биконсфилд был величайшим врагом мистера Гладстона, и все называли его Диззи. Однако на этот раз Диззи был побит мистером Гладстоном по всем статьям, поэтому все мы оказались в оппозиции, и страна начала быстро катиться в пропасть. Все говорили, что она «идет ко всем чертям». А потом, вдобавок ко всему, лорд Биконсфилд сильно заболел. Я с большим беспокойством следил за ходом его болезни, поскольку все говорили, какая потеря это будет для страны и что, кроме него, никто больше не сможет помешать мистеру Гладстону

навязать нам свою злую волю. Я всегда был уверен, что лорд Биконсфилд умрет, и наконец настал день, когда все, кого я видел вокруг, стали ходить с печальными лицами, потому что, как они говорили, великий и замечательный государственный деятель, который любил нашу страну и бросил вызов русским, умер от разбитого сердца из-за неблагоприятного отношения к нему радикалов.

Я уже писал об ужасном появлении в моей жизни гувернантки. Однако теперь надо мной нависла еще более страшная опасность. Мне предстояло пойти в школу. Мне уже исполнилось семь лет, и я представлял собой то, что взрослые со свойственной им бесцеремонностью называли «беспокойным мальчиком». Оказалось, что я должен покинуть дом на много недель, чтобы делать уроки под руководством учителей. Занятия уже начались, но мне все равно нужно было пробыть в этом месте семь недель, прежде чем можно будет вернуться домой на Рождество. Хотя многое из того, что я слышал о школе, производило неприятное впечатление, причем впечатление это полностью основывалось на реальном опыте, я тем не менее был очень взволнован и возбужден этой великой переменой в моей жизни. Несмотря на уроки, я подумал, что будет замечательно жить вместе с таким большим количеством других мальчиков и что мы подружimsя и у нас будут великие приключения. Кроме того, мне сообщили, что «школьные дни — самое счастливое время в жизни человека». Несколько взрослых добавили, что в их время, когда они были маленькими, обстановка в школах была очень

суровой: старшие обижали младших, детей недокармливали, и каждое утро им приходилось «разбивать лед в своих кувшинах» (чего мне не доводилось наблюдать и по сей день). Но сейчас все это изменилось. В наши дни школьная жизнь превратилась в одно сплошное удовольствие. Всем мальчикам школа очень нравилась. Некоторые из моих двоюродных братьев, которые были чуть постарше меня, как мне сказали, огорчались, что им приходится приезжать домой по праздникам. При перекрестном допросе двоюродные братья не подтвердили эту информацию — они только молча ухмылялись. Как бы там ни было, тут я совершенно ничего не мог поделать. Неодолимые волны быстро несли меня вперед. Со мной советовались по поводу будущего отъезда не больше, чем о появлении на этот свет.

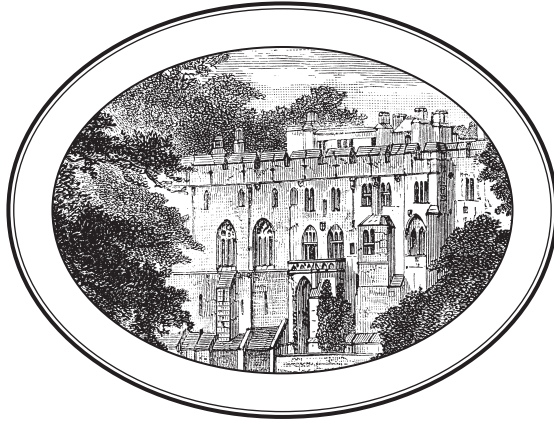
Уильям Гладстон.

Фотография Дж. Майала. 1861 г.

Уильям Юарт Гладстон (1809—1898) — английский писатель и государственный деятель, бывший четырежды премьер-министром Великобритании: 41-м (1868—1874), 43-м (1880—1885), 45-м (1886) и 47-м (1892—1894).

Мне было очень интересно покупать все те вещи, которые нужно иметь, чтобы пойти в школу. В списке значилось ни много ни мало четырнадцать пар носков. Миссис Эверест посчитала это расточительностью. Она сказала, что при должной аккуратности достаточно будет и десяти. И все же хорошо

СОДЕРЖАНИЕ

ИЗ КНИГИ «МОИ РАННИЕ ГОДЫ» (АВТОБИОГРАФИЯ)

Перевод А. Боченкова

Глава I. Детство	7
Глава II. Харроу	22
Глава III. Экзамены	32
Глава IV. Сандхерст	56

МИРОВОЙ КРИЗИС

Глава I. Исчезнувшее очарование	75
Глава II. Демос	98
Глава III. Демобилизация	116
Глава IV. Покинутая Россия	130
Глава V. Интервенция	142
Глава VI. «Четырнадцать пунктов»	157
Глава VII. Мирная конференция	170
Глава VIII. Лига наций	187
Глава IX. Неоконченная задача	204
Глава X. Триумвират	221
Глава XI. Мирные договоры	236
Глава XII. Гражданская война в России	261
Глава XIII. «Чудо на Висле»	284
Глава XIV. Ирландский призрак	296
Глава XV. Решение ирландского вопроса	322
Глава XVI. Возникновение ирландского свободного государства	342
Глава XVII. Живая Турция	366
Глава XVIII. Трагедия Греции	387
Глава XIX. Чанак	410
Глава XX. Конец мирового кризиса	435

ФУЛТОНСКАЯ РЕЧЬ. <i>Перевод и примечания В. Чухно</i>	459
--	-----